

Е. Н. Проскурина, Н. А. Непомнящих

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Всероссийская научная конференция
с международным участием «Сюжетология / сюжетология»
(Новосибирск, 13–15 мая 2014 года)**

Аннотация. В обзоре Всероссийской научной конференции с международным участием «Сюжетология / сюжетология» даны резюме прозвучавших докладов. Тематика конференции задала работу по следующим направлениям: актуальные проблемы теории сюжета; теория сюжета и нарратология; поэтика сюжета; мотивный анализ эпического, лирического, драматургического произведения; история сюжетов в художественной литературе; заимствованные сюжеты в русской литературе; сюжет и документальная литература; проблемы описания и фиксации литературного сюжета.

The review of the All-Russian Scientific Conference with International Participation «The Theory of the Plot» («Plotology / Plotography») gives the summaries of all reports presented to the conference. The Conference considered the following topics: Topical problems of the theory of the plot; theory of the plot and narratology; poetics of the plot and motif, analysis of epic, lyric and dramatic works; history of plots in fiction; borrowed plots in Russian literature; plots and documental literature; problems of describing and fixing a literary plot.

Ключевые слова: теория сюжета, поэтика сюжета, история сюжета, нарратология, мотив.

Theory of the plot, poetics of the plot, history of the plot, narratology, motif.

УДК 821

Контактная информация: ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090; +7 (383) 330 47 72; motiv_ifl@ngs.ru

13–15 мая 2014 г. в новосибирском Академгородке прошла Всероссийская научная конференция с международным участием «Сюжетология / СЮЖЕТОГРАФИЯ», организованная сектором литературоведения ИФЛ СО РАН. Тематика конференции задала работу по следующим направлениям: актуальные проблемы теории сюжета; теория сюжета и нарратология; поэтика сюжета; мотивный анализ эпического, лирического, драматургического произведения; история сюжетов в художественной литературе; заимствованные сюжеты в русской литературе; сюжет и документальная литература; проблемы описания и фиксации литературного сюжета. Конференция стала продолжением многолетней традиции сектора, собрав в очередной раз в стенах института ведущих представителей филологической науки со всей гуманитарной карты России: из Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Екатеринбурга, Томска, Кемерово, Барнаула, Рубцовска, Красноярска, Иркутска, Владивостока и, конечно, Новосибирска. Среди важнейших стимулов

ежегодных конференций сектора литературоведения нельзя не указать многолетнюю работу коллектива над реализацией научного проекта «Словаря сюжетов и мотивов русской литературы». Одним из авторов идеи словаря была доктор филологических наук, член-корреспондент РАН Елена Константиновна Ромодановская (1937–2013). На сегодняшний день вышло три его выпуска¹ и готовится четвертый, опубликовано 10 сборников из серии «Материалов к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы», а также коллективная монография «Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы» (Новосибирск, 2012). В перспективе все вышедшие экспериментальные выпуски, с учетом подготовленных сборников материалов, предполагается объединить в словарь, позволяющий судить о сюжетном пространстве русской литературы, ее частотных и редких мотивах.

Теоретико-методологическим обоснованием работы конференции стал доклад директора Института, зав. сектором литературоведения, д-ра филол. наук **И. В. Силантьева** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) «Сюжетология и нарратология: к вопросу о разграничении предмета», в котором была дана характеристика теоретической парадигмы, представленной цепочками понятий «факт – событие – нарратив»; «фабула – сюжет»; «эпическое событие – лирическое событие»; «сюжет как парадигма событий – внесобытийный сюжет»; «нарратология – сюжетология». Как отмечено докладчиком, предметом нарратологии выступает собственно *нарратив*, или повествование, увиденное в аспекте его событийной природы и событийного состава. Основной категориальной производной этого предмета выступает категория *повествователя*, или нарратора. Предметом сюжетологии выступает собственно *сюжет* как система смысловых со- и противопоставлений событий нарратива, а также событийных множеств анарративных литературных произведений, в первую очередь лирических. Окончательно разграничивает предметы нарратологии и сюжетологии то, что предметом последней может быть *внесобытийный* сюжет как со- и противопоставление *несобытийных факторов* художественного смыслообразования, таких как описание, деталь, реплика, ремарка, собственно слово, и, наконец, *невербальные* смыслообразующие факторы – визуальный и аудиальный образ, предмет, ситуация как таковая. Таким образом, сюжетология в отличие от нарратологии выходит за пределы поля, определенного феноменом события как такового, и ее материалом становится, например, искусство абстрактной живописи или абстрактной инсталляции. Основными категориальными производными предмета сюжетологии выступают категория *мотива* (в случае существования событийного субстрата сюжета) и категория *темы*, или точнее, художественного *концепта* (в случае формирования внесобытийного сюжета). В докладе показано, что нарратология и сюжетология различаются не только в предметном плане, но и в плане общей методологии. Методология нарратологии определяется теорией и прагматикой коммуникации: нарратолог изучает повествование о событиях в плане того, *кем, кому и как это сообщено*, – отсюда такое устойчивое и последовательное внимание нарратологии к инстанциям повествователя и самим субъектным формам повествования. Методология сюжетологии определяется поэтикой: сюжетолог изучает повествование о событиях в плане того, как это *сложено / сделано* и почему сложенное / сделанное *так* приводит к тем или иным конфигурациям художественного смысла – и это, очевидно, дает широкий простор для формальных штудий, с одной стороны, и для литературо-

¹ Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное изд. / Отв. ред. чл.-корр. РАН Е. К. Ромодановская. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. Вып. 1; Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное изд. / Отв. ред. чл.-корр. РАН Е. К. Ромодановская; авторы-составители Е. В. Капинос, Е. Н. Проскурина. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. Вып. 2; Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное изд. / Отв. ред. чл.-корр. РАН Е. К. Ромодановская. Автор-составитель М. А. Бологова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. Вып. 3.

ведческих исследований интерпретативного характера, с другой. В докладе канд. филол. наук **Е. В. Капинос** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) «“Лирический герой” и пространство текста (сборник “Об Александре Блоке” 1921 года)» рассмотрено значение термина «лирический герой» на этапе его зарождения в статьях Ю. Тынянова и Б. Эйхенбаума, помещенных в сборник, вышедший в год смерти А. Блока. В частности, докладчиком отмечено, что изначально термин не имел четкой дефиниции, зато имел богатую сеть контекстуальных синонимов, таких как «авторское лицо», «авторская маска», «бездействующее лицо» лирики, «главный персонаж стихотворного текста». Лирический герой не был для Тынянова и Эйхенбаума конструктом, где условно-литературное отделено непроницаемой чертой от экзистенциального и биографического (как затем это будет представлено в работах Л. Гинзбург и Г. Гуковского о романтической лирике). Подчеркивая условность авторского «я», в статье «Блок и Гейне» Тынянов оставил подвижной границу между поэтическим и биографическим. Динамическая природа этой границы представляется докладчику характерной чертой лирического сюжета, который понимается не событийно, а как процесс, когда лирическое «я» овладевает пространством текста, по сути, превращаясь в него. В докладе д-ра филол. наук **Ю. В. Матвеевой** (Екатеринбург, УрФУ) «Проблема сюжета в автодокументальной прозе» на примере большого корпуса автодокументальных текстов русского зарубежья была сделана попытка рассмотреть теоретический и методологический вопрос о роли и значимости в них сюжета как особого механизма «художественных исследований невымышленного» (Л. Гинзбург). Анализировались разные жанры автодокументальной прозы: мемуары, портреты, автобиографии, дневники, письма – с точки зрения их сюжетной организации, а также их уникальной сюжетостроительной рецепции. Доклад канд. филол. наук **Н. А. Ласкиной** (Новосибирск, НГПУ) «Нарративизация и сюжетизация в литературной критике (на материале французской критической прозы конца XIX в.)» посвящен проблеме определения форм и границ нарративности в литературно-критическом тексте. Результаты исследования текстов французской профессиональной критики (Ф. Брюнетьер, Ж. Лёмэтр, Э. Фаге и др.) и писательской критики (А. Франс, П. Бурже, М. Баррес) показали достаточно большое разнообразие авторских стратегий нарративизации. Доклад канд. филол. наук **Т. Симяна** (Армения, Ереванский государственный университет) «Псевдохристианский сюжет в немецкой политике, публицистике и литературе 1910-х гг.» был посвящен анализу псевдохристианского дискурса 1910-х гг. Сделана попытка ответить на вопрос, как манипулировала кайзеровская политическая элита христианскими ценностями и как отвечали на этот дискурс экспрессионисты и берлинские дадаисты. Для аргументации и описания поставленной проблемы выбраны словесные и визуальные тексты Р. Хаузмана, К. Шмидт-Ротлуфа, Э. Барлаха, В. Меринга, Й. Баадера, а также инсталляции берлинских дадаистов: Дж. Херцвильда, Р. Шлихтера «Прусский ангел» (*Der Preussische Erzengel*); Й. Баадера «Величие и закат Германии» (*Deutschlands Grose und Untergang*, 1920). Доклад канд. филол. наук **Г. А. Жиличевой** (Новосибирск, НГПУ) «Тема времени и время повествования в русском романе постсимволизма» посвящен описанию форм времени повествования в русском постсимволистском романе. Исследователь попыталась установить связь нарративной стратегии текста и «опыта времени» героев и повествователей. Материалом для анализа послужили романы В. Набокова, И. Ильфа и Евг. Петрова, Вс. Иванова и Б. Пастернака. В докладе д-ра филол. наук **Е. А. Худенко** (Барнаул, АлтГПУ) «Несостоявшаяся телефонная коммуникация: экзистенциальный и эстетический потенциал сюжета» отмечено присутствие сюжета несостоявшейся телефонной коммуникации в таких текстах, как «Телефон» В. Набокова, «Звездный каталог» А. Тарковского, «Голос в телефоне» Н. Заболоцкого, «Элегия» И. Бродского и др. Моменту отсутствующей коммуникации сопутствует

определенная поэтическая сюжетность – неразделенная любовь. Эта невозможность соединиться с возлюбленной может трактоваться как онтологическая невозможность полноты вербального высказывания, а также как металитературная невозможность соединения не только с возлюбленной, но и с читателем как основным потребителем уже не любовной, но текстовой коммуникации в целом. Оригинальный поворот проблемы сделан в докладе канд. филол. наук **Е. Е. Бариновой** (Шанхай, ACS-Academy) «К вопросу о нарративности текстовой задачи». Современная арифметическая текстовая задача – вид учебного задания по математике, сформулированного на естественном языке. Некоторые исследователи изучают текстовую задачу как «задачу-историю» (story problems) и описывают жанр с привлечением нарратологических и литературоведческих понятий. Рассматривая основные разновидности текстовых задач, докладчик попыталась выяснить, насколько правомочно говорить о существовании «математических» персонажей и событий, мотивов и сюжетов; а также разграничить нарративные и аннотативные типы текстов этого древнейшего учебно-педагогического жанра.

Доклады теоретико-методологического плана перемежались с докладами «медальонами», в которых анализировалось творчество отдельных авторов в контексте темы конференции. Так, в докладе канд. филол. наук **М. А. Васильевой** (Москва, ДРЗ) «Двойник-отражение: эволюция мотива в лирике Георгия Иванова» мотив отражения был прослежен на примере поздней лирики Г. Иванова в контексте проблемы двойничества – так, как она была рассмотрена рядом литературоведов и философов XX в., в особенности русского зарубежья (Н. О. Лосский, Д. И. Чижевский, П. М. Бицилли, А. Л. Бем и др.). Методом сравнительного анализа с другими стихотворениями поэтов русского зарубежья, где также присутствуют мотивы зеркального отражения, показано глубокое переосмысление Георгием Ивановым проблемы двойника. Доклад **И. Е. Лощилова** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) ««Сквозь волшебный прибор Левенгука»: микроскоп и микромир в русской поэзии» построен как развернутый комментарий к стихотворению Н. А. Заболоцкого «Сквозь волшебный прибор Левенгука» (1948). В качестве ближайшего источника предложено стихотворение Н. А. Морозова «Мир в капле воды». В стихотворении также ощутима память об отражении микроскопа в поэзии XVIII в. (М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский, С. С. Бобров), об однократном его упоминании у А. С. Пушкина, об изображении микромира в поэме Э. Дарвина (деда основоположника эволюционной теории) «Храм природы», напечатанной в 1911 г. в переводе Н. А. Холодковского, о стихах, близких к Заболоцкому, Д. И. Хармса и Н. М. Олейникова. Попутно упоминаются другие поэты и стихотворцы, отдавшие дань микроскопу и микромиру: В. В. Хлебников, В. И. Нарбут, Л. М. Горовиц-Власова и др. В докладе д-ра филол. наук **Е. Ю. Куликовой** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) «Пантун Николая Гумилева “Гончарова и Ларионов”» рассматривался жанр пантунов в творчестве Николая Гумилева (седьмая «Абиссинская песня», стихотворение «Гончарова и Ларионов», эпизоды из пьесы «Дитя Аллаха» и др.). В модернистской поэзии начала XX в. форма пантуна, ориентированная на национальную восточную поэзию и на жанровую средневековую лирику, в сочетании с ориентальными мотивами оказывается частью нового способа художественного выражения. В пантунах Гумилева привлекает особый словесный орнамент, превращающийся в устойчивый узор, который делает твердыми и застывшими мотивы и образы, и в то же время раскачивает их, придавая им каждый раз новый оттенок значения. Подробно в докладе проанализирован пантун Гумилева «Гончарова и Ларионов». По мысли Е. Ю. Куликовой, в стихотворении описывается «движение живописи». Пантун – не просто поэтическая «иллюстрация» к картинам двух художников, это проникновение в сущность их творчества, в разнообразие методов, стилей, направлений и в то же время – тематики, излюбленных мотивов и образов. Авангардистские открытия

Гончаровой и Ларионова у Гумилева оказались вписанными в строгую форму малайского жанра. Но именно этот жанр подчеркивает творческие особенности двух художников.

Первый день конференции завершился заседанием памяти Е. К. Ромодановской, где с научными докладами выступили ее коллеги по сектору археографии Института истории СО РАН (Новосибирск): д-р филол. наук **Т. В. Панич**, д-р филол. наук **Л. И. Журова**, канд. филол. наук **Л. В. Титова**, канд. филол. наук **О. Д. Журавель**; а также ученики: д-р филол. наук **С. К. Севастьянова** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН), канд. филол. наук **Л. А. Курышева** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН), **Т. И. Ковалева** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН), канд. филол. наук **А. В. Шунков** (Кемерово, КемГУКИ), канд. филол. наук **М. Н. Климова** (Томск, Научная библиотека ТГУ), канд. филол. наук **А. О. Дёмин** (Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН). Приехавшая из Санкт-Петербурга дочь Елены Константиновны, сотрудник ИРЛИ РАН канд. филол. наук **В. А. Ромодановская** рассказала о ходе работы над научным сборником, посвященным памяти выдающегося ученого. В докладе **Т. В. Панич** «Документальные тексты в составе сборника рукописных материалов, связанных с делами Петра Артемьева и Григория Скибинского», посвященном проблеме взаимоотношений литературы и деловой письменности в конце XVII в., проанализированы документальные и полемические тексты рукописного сборника, связанного с делами двух представителей русской культуры второй половины XVII в. – Петра Артемьева и Григория Скибинского. Установлено, что в конце XVII в. взаимодействие и взаимовлияние форм деловой письменности и литературы не прекращается, а приобретает более глубокий и сложный характер, отражая общую картину литературного развития в «переходный» период. Предметом анализа в докладе **Л. И. Журовой** «“Наказание” в структуре Слов митрополита Даниила» стал заключительный раздел Слов «Соборника» митрополита Даниила, который он назвал «Наказаниями», т. е. наставлениями. Исследователи XIX в. считали «Наказания» самостоятельными текстами в трехчастной структуре сочинений проповедника, не зависимыми от других его разделов. В докладе оспаривается эта точка зрения путем приведения свидетельств о текстуальных и смысловых связях всех трех частей Слов Даниила. **Л. В. Титова** в докладе «Пути формирования демократической прозы XVII в.» остановилась на одном из аспектов формирования и развития демократической повествовательной прозы XVII в. – создании беллетристических памятников на основе дидактических текстов («Беседа отца с сыном о женской злобе» и «Повести о хмеле»). XVII в., разрушая средневековые жанровые каноны, смело вторгается и в область учительной литературы. Так, жанр первоначального текста «Беседы», задуманной как отеческое предание, пытается вырваться за рамки дозволенного. Ее открытая структура постепенно дополняется и разрастается за счет введения новых беллетристических главок, благодаря чему отеческое предание постепенно превращается в Сказание и Повесть, как и Слова о хмеле перерабатываются вначале в «Послание к некоему иноку о Хмеле», а в дальнейшем в «Повесть дивну древних и премудрых мужей о Хмеле» и «Повесть о высокоумном Хмеле». В докладе **О. Д. Журавель** «“...Имут великую пристойность и красоту” (об иллюстративном материале барочной проповеди)» рассматривались как общие типологические особенности проповеднического жанра, так и его специфические черты, отраженные в рукописных сочинениях выговских старообрядцев начала XVIII в. Центральное внимание было сосредоточено на примерах (парадигмах), привлекаемых проповедниками с целью усиления результативности проповеди. Помимо специфических риторических приемов, выработанных европейской традицией и усвоенных культурой московского и выговского барокко, усилению эффективности проповеди способствовали занимательные, в том числе параболические сюжеты. Проповедь, являвшаяся уже в Средневековье своеобразным резервуаром сюжетов,

почерпнутых из различных источников, в том числе из фольклора, щедро пополняла национальный сюжетный фонд в России в период формирования новой литературной традиции, в раннее Новое время. В докладе приведены различные типы примеров, использованных писателями выговского барокко, – притчевые, басенные, аллегорические сюжеты. Доклад **А. В. Шункова** «Мотив блудного сына в эпистолярном творчестве царя Алексея Михайловича» был посвящен исследованию проблемы, связанной со сломом древнерусской традиции в русской литературе второй половины XVII в. Как показано в выступлении, обращение к притчевой традиции позволило Алексею Михайловичу создать в своих посланиях психологический портрет адресатов. Особого внимания заслужило послание к А. Л. Ордину-Нащокину (1660 г.), в котором в большей степени раскрывается талант царя как писателя, владеющего приемами риторики. Вместе с тем в нем прослеживается свободная интерпретация известного евангельского сюжета, его сопоставление с событиями из реальной жизни Ордина-Нащокина. Актуальность доклада А. В. Шункова заключается в расширении границ исследования поэтики русской литературы переходного периода, выявлении в ней индивидуально-авторских художественных приемов. **Т. И. Ковалева** в докладе «Евангельская притча в Киево-Печерском патерике» показала пронизанность повествования патерика параболическостью. При этом было сделано заявление, что вопрос о том, каким образом в памятнике проявляются черты притчи, до настоящего времени не попал в центр внимания ученых. Опыт осмысления текста патерика через выявление параболических элементов составил содержание выступления. **С. К. Севастьянова** посвятила свой доклад «Легенда о смерти вещего Олега в литературных обработках XVII и XIX веков» анализу литературных интерпретаций хорошо известного по русским летописям сюжета о кончине князя Олега. Для исследования выбраны: сочинение шведского дипломата начала XVII в. Петра Петрея «История о Великом княжестве Московском» и рассказ современной писательницы Ады Иванович «И принял он смерть от коня своего». Авторы двух разных по времени, жанру, содержанию сочинений использовали характерный для легенды об Олеге Вещем архетипический мотив смерти героя от коня. Авторы поместили своих персонажей, отдаленно напоминавших легендарного героя Древней Руси, в иную социально-политическую обстановку, наполнив тем самым архетипический мотив новым содержанием. Сопоставительный анализ произведений показал: чем сильнее трансформируется семантика архетипического мотива во времени, тем богаче оказываются его смыслообразующие и смыслопорождающие возможности. В докладе **Л. А. Курышевой** «Учтивость и остроумие в дискурсе светской беседы (на материале рукописной литературы XVIII в.)» показана степень проникновения в литературу образцов учтвого поведения и галантной практической риторики; охарактеризованы особенности освоения массовой культурой понятий учтвости и остроумия. Выступление **М. Н. Климовой** «Русский извод мифа о великом грешнике: проблемы художественной адаптации» было посвящено сюжетной ситуации «покаяние и спасение великого грешника», ставшей одной из основ русского сознания. Главное внимание в докладе было уделено проблемам художественной адаптации мифа о великом грешнике отечественной словесностью Нового времени, богатству его сюжетных вариантов в русской классической литературе. В докладе **А. О. Дёмина** «Армида и Дидона в “русских” драмах Г. Р. Державина» рассмотрены принципы заимствования сюжетов западного эпоса и драматургии в драмах Державина «Пожарский» (1806) и «Евпраксия» (1808). В первой использован сюжет любви Ринальда и Армиды из поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» для создания вымышленной истории любви князя Пожарского и Марины Мнишек. Сюжет любви Пожарского к полячке был ранее использован Державиным в наброске эпической поэмы «Пожарский» в 1780-е гг. В «Евпраксии» использована сюжетная схема французских трагедий, итальянских опер и траге-

дии Я. Б. Княжнина «Дидона» о сватовстве царя Ямба к царице Дидоне и его явлении при ее дворе под видом собственного посла. В обоих случаях заимствование западного сюжета служило для согласования взятого за основу исторического материала с требованиями композиции драматургического сюжета.

Плодотворная работа конференции продолжалась 14 и 15 мая. Доктор филологических наук **Ю. В. Шатин** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) в докладе «Онегинская строфа – скрытый двигатель сюжета стихотворного романа» показал, что сопряжение двух уникальных явлений – онегинской строфы и жанра стихотворного романа – открывает новый взгляд на «Евгения Онегина». Касаясь генезиса онегинской строфы, докладчик подчеркнул, что сюжет не является единственной формой, обусловившей становление пушкинского феномена. Возвращаясь к гипотезе Ю. Тынянова об одической дециме как прародительнице онегинской строфы, Ю. В. Шатин подкрепил ее примером более раннего произведения: «Стихами Его Величеству Государю Императору Александру Первому на бессмертную победу перед стенами Лейпцига в октябре 1813 года» П. И. Шаликова, в которых была обнаружена самая ранняя «онегинская строфа». Это стихотворение по всем признакам соответствовало жанру оды, который был практически забыт современниками и введен в научный оборот Джоном Смитом в диссертации «Строфические формы русской поэзии от Полоцкого до Державина» (Лондон, 1977). В свете этого открытия становится очевидно, что как раз новая строфа расширила границы оды как универсального жанра поэзии и позволила обеспечить переход к становящемуся стихотворному роману. Кандидат филологических наук **М. Ф. Климентьева** (Томск, Гуманитарный лицей г. Томска) в докладе «“В русском вкусе повесть древняя”: мифологические сюжеты в русской литературе первой трети XIX века» обратилась к сюжетам из древней русской истории, положенным в основу значительного числа разножанровых произведений русской романтической литературы, например арзамасских поисков в жанре исторической поэмы и «Повести Ивана Гудовича» Н. А. Полевого. Исследованный материал дает основания полагать, что легендаризированные сюжеты отражают адаптивную тенденцию к мифологизации национальной истории в культурном сознании русского человека. Доктор филологических наук **Т. И. Печерская** (Новосибирск, НГПУ) в докладе «Сапоги в квадрате»: сапожный сюжет в русской литературе 1840–1870-х годов» проследила формирование тематического сюжета, опознавательным маркером которого выступает предмет – сапоги. Основанием для выявления этого условного сюжета послужила частотность предметной детали: с 1840-х гг. сапоги не только фигурируют в качестве бытовой реалии, участвующей в характеристике героя, но и становятся важной частью сюжетного уровня, формируя определенный тип событий. «Сапожный» сюжет рассмотрен на материале произведений Достоевского, писателей натуральной школы, в рамках которой он оформляется как своего рода метасюжет, в частности, за счет многочисленных литературных связей с «сапожными» аллюзиями на Пушкина и Гоголя. Прослежена динамика сюжета в разночинской литературе и демократической критике 1860-х – 1870-х гг., где сапоги, меняя чиновничью принадлежность, становятся своего рода символом нового героя – разночинца. Оставаясь в составе клише, они определяют и статус новых писателей – работников, и статус новой демократической литературы. Семантика и прагматика рассмотренного сюжета позволили прийти к выводу, что сапожный сюжет оказался не только сюжетом русской литературы, но и сюжетом о русской литературе. **М. А. Власовой** (Иркутск, ИГУ) в докладе «Сюжеты о покойниках в современных мифологических рассказах» осуществлена попытка типологии сюжетов о покойниках в мифологических рассказах и классификации персонажей современных быличек. Кандидат филологических наук **Д. В. Долгушин** (Новосибирск, НГУ) в докладе «Сюжет о королеве Луизе в творчестве В. А. Жуковского» рассмотрел рецепцию традиционного для культуры

немецкого романтизма сюжета о прусской королеве Луизе в творчестве В. А. Жуковского. Кандидат филологических наук **С. А. Ромащенко** (Новосибирск, НГПУ) в докладе «К вопросу о “монотонности” поэтики С. Я. Надсона: система лейтмотивов и значимость диссонансов» рассмотрела рецептивно-эстетический и мотивный аспекты поэтики одного из самых популярных и востребованных поэтов конца XIX в. Ею выдвинута гипотеза о том, что не только предпосылки, входящие в горизонт читательского ожидания (социологические и психологические), но и специфическая «неэстетичность» поэтического языка («на грани вкуса») становится в рамках поэтики Надсона отмеченной эффектом «усиления», активизированного связью с некрасовскими и лермонтовскими традициями, в том числе и своеобразной интонацией «монотонности», поддержанной системой лирических лейтмотивов. Доктор филологических наук **В. И. Габдуллина** (Барнаул, АлтГПУ) в докладе «Евангельские мотивы в сюжете романа И. С. Тургенева “Дым”» проследила трансформации мотива блудного сына в творчестве Тургенева, отметив, что в сознании писателя он активизировался в связи с его собственным положением «русского европейца». Это инициировало восприятие Тургенева в литературной среде его времени, а позднее и в отечественном литературоведении как «нехристианского писателя». Однако анализ сюжетно-мотивной структуры романа «Дым» вскрывает глубинный христианский подтекст произведения, где евангельский сюжет о блудном сыне реализован в судьбе героя Литвинова во всей его полноте: уход – испытания – возвращение. Такая стратегия героя и сюжета превращает тургеневский роман в роман-притчу. Кандидат филологических наук **Е. А. Макарова** (Томск, ТГУ) в докладе «Сюжет о переселенцах в творческой системе Н. С. Лескова» проанализировала значение сюжета о переселенцах для творчества Лескова. Как было показано в выступлении, сам по себе «переселенческий» материал ведет к соединению документального и художественного начал, что становится главной особенностью поэтики писателя, тяготевшего на протяжении всего творческого пути к малым литературным формам и промежуточным жанрам: рассказу, очерку, статье. К художественному творчеству Лескова было также обращено внимание д-ра филол. наук **Л. Н. Сняжковой** (Новосибирск, НГУ) в докладе «Сюжетная ситуация “честный вор” в рассказе Н. С. Лескова “Грабёж”: концепция человека и логика сюжета». В рассказе Н. С. Лескова «Грабёж» (1887) реализуется анекдотический сюжет о невольном грабеже («честный человек на улице другого честного человека ограбил»). Сюжетный повод рассказа: разорение орловского банка в 1887 г., в котором не обнаружилось явно виноватых, – становится рамкой для истории об орловских грабителях 1830-х гг. Вопреки сюжетной логике рамочного события сюжет транслированного события имеет свою рамку: предполагаемое сватовство рассказчика. Однако функция этой рамочной ситуации ослаблена, поскольку к сюжету о сватовстве рассказчик возвращается лишь в конце. Концепция человека в рассказе объясняется отодвинутым на сюжетную периферию святочным жанром: это грех, вернее, череда мелких и более серьезных грехов в основной истории, и его искупление, происходящее уже на другом сюжетно-композиционном уровне: внутренней рамки. Имеется в виду финал рассказа, в котором изображено чудесное сватовство персонажа-рассказчика. **А. Е. Козлов** (Новосибирск, НГПУ) в докладе «Анекдоты о градоначальниках в провинциальном тексте русской литературы XIX в.» выявил и проанализировал комплекс сатирических сюжетов, связанных с представителями провинциальной власти: градоначальниками, губернаторами, исправниками. На материале сатирических еженедельников и толстых журналов XIX в. («Искра», «Отечественные записки», «Современник», «Русский вестник») им исследованы основные фабульные варианты, рассмотрены предполагаемые пути сюжетосложения. Отдельное внимание уделено исследованию общей анекдотической логики выявленных сюжетов и нарратологическим особен-

ностям их реализации. Устойчивые фабульные варианты соотносятся с фабулами классических произведений русской литературы («Бесы» Ф. М. Достоевского, «Помпадуры и помпадурши» и «История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Моя жизнь» А. П. Чехова и др.). Представленный материал позволяет сделать вывод о существовании в провинциальном тексте русской литературы XIX в. сюжетно-мотивного комплекса, определяющего специфические типы события и событийности. В докладе д-ра филол. наук **Л. П. Якимовой** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) «Модификации мотива невинности ребенка в советской литературе 1920-х гг.» рассмотрены особенности текстопорождения в литературном процессе 1920-х гг., где частым элементом сюжета становится мотив невинности ребенка. В качестве генерирующего начала докладчиком выделен рассказ Вс. Иванова «Дитё» (1921 г.), создающий посыл для вариативных рецепций мотива невинности ребенка в таких произведениях сибирских писателей, как «Старуха» Л. Сейфуллиной (1924), «Бабья печаль» Ис. Гольдберга (1924). Как пример своеобразия художественного воплощения названного мотива анализировались также рассказы М. Шолохова «Шибалково семя» (1923) и Ис. Бабеля «Соль» (1924). В докладе прослеживается механизм возникновения единого сюжетно-мотивного поля, основу которого составляют факторы непосредственного влияния, типологических совпадений, личных контактов писателей и др. Доктор филологических наук **В. В. Мароши** (Новосибирск, НГПУ) в докладе «Сюжетная ситуация “девочка и слон” в русской литературе первой трети XX в.» рассматривал сюжет встречи девочки и слона внутри и вне топоса зверинца в контексте архетипичности ситуации коммуникации женщины и животного в пространстве зверинца. Кандидат филологических наук **Г. М. Васильева** (Новосибирск, НГУЭиУ) обратилась в своем выступлении к «Возвращение доктора Фауста» Э. Миндлина: метод “археологической” контаминации к неоконченному роману Э. Л. Миндлина, которому присуще палеонтологическое построение: реконструкция ранних «мифологических» основ путем анализа поздних событий. Подобная зависимость может быть показана на широком культурном материале. Например, жития-мartyрии с их мученической топикой, межкультурный дискурс Г. Г. Швиттау, связанный с понятием Гёте «Weltliteratur»; сказка Миндлина «Das kann nicht sein». Три города – Москва, Прага, Берлин – превратились в разновидность театральной сцены по разыгрыванию драмы идей (эсхатологический мотив «невечного города» и др.). Кандидат филологических наук **Н. А. Непомнящих** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) в докладе «Числовая символика, церковный и народный календарь в рассказе Л. М. Леонова “Деяния Азлазивона”» проанализировала одно из первых произведений писателя, представляющее собой подобие автографированной книги с собственноручно сделанными автором иллюстрациями. Текст стилизован под древнерусское письмо и по форме является искусной стилизацией жанров жития и сказания. Поэтому даты церковного и народного календаря, связывая повествование в целое, имеют и дополнительное значение, отсылая к житиям различных святых, эпизоды из жизни которых порой в точности повторяются в сюжетных линиях героев леоновского рассказа. В основе композиции лежит принцип троекратного повтора, воспроизводящийся на разных уровнях. Особое значение для понимания финала произведения (сгорание скита) имеет семиотика огня, в данном случае инверсирующая символику христианского праздника Троицы. **И. С. Полторацкий** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) в докладе «Структура двуязычного поэтического сборника Л. Н. Арбачаковой “Онзас черим // Тернии Души”» показал, что двуязычный поэтический сборник современной шорской поэтессы и художника Л. Н. Арбачаковой представляет собой не обычное собрание стихотворений, расположенных в хронологическом порядке, а сложное художественное целое, с продуманной внутренней структурой, специально подобранными авторскими иллюстрациями, последовательным развитием тем и микротем,

а сама Л. Н. Арбачакова обладает сложившимся художественным языком и оригинальной поэтикой, основанной на шорском фольклоре, претерпевшей влияние русской литературы.

Доктор филологических наук **О. А. Дашевская** (Томск, ТГУ) в докладе «Сюжет инициации в повести Вадима Андреева “История одного путешествия”» показала, каким образом в повести писателя-младоземigrанта В. Л. Андреева «История одного путешествия» (1962) осуществляется философская тематизация концепта «путешествия» как поиска истины: он обретает ценностно-смысловое и структурообразующее значение. Анализируя движение сюжета: путешествие героя во Францию – возвращение в Россию и участие в Гражданской войне на стороне белых – окончательное бегство в Константинополь, докладчик показала, как сюжет странствия обретает инициальный смысл и реализует автобиографический миф молодой эмиграции первой волны о судьбе своего поколения. Творчество еще одного яркого представителя русского зарубежья было представлено **М. В. Кошелевой** (Екатеринбург, ЕГТИ) в докладе «Черты идиллического сюжета в прозе В. С. Яновского». Проза В. С. Яновского, писателя, также принадлежащего младшему поколению первой русской эмиграции, отличается намеренным антиэстетизмом, подчеркнутым натурализмом и физиологизмом, однако в ней последовательно, начиная с таких романов, как «Колесо» и «Портативное бессмертие», и заканчивая его поздними мемуарами «Поля елисейские», представлен особый вид сюжета, который можно идентифицировать как идиллический. В докладе канд. филол. наук **В. А. Боярского** (Новосибирск, НГУЭиУ) «Две несчастные княжны: “Княжна Мери” М. Ю. Лермонтова и “Княжна Мэри” Г. И. Газданова» проведен сопоставительный анализ названных произведений, на что наталкивает их номинативное тождество. Прослежены аналогии в персонажной структуре лермонтовского романа и рассказа Газданова, выявлены такие коррелирующие мотивы, как мотив псевдописателя, заговора, плохого актёра, чести, иерархии, передачи рукописи, высшей силы. В качестве ключевой темы обоих произведений представлена тема истинного бытия, противопоставленная внешней реальности. В докладе канд. филол. наук **А. С. Сваровской** (Томск, ТГУ) «Мортальные сюжеты в романной дилогии М. Осоргина (“Свидетель истории”, “Книга о концах”）」 проанализирована художественная танатология М. Осоргина, воплощённая в романной дилогии «Свидетель истории» и «Книга о концах». Исследована семантика «смертных» финалов судеб персонажей: смерть (и болезнь) как действие онтологического закона; как жертвенная гибель; как насилие социальной истории над человеческой природой. Уточнен смысл сюжетного взаимодействия линий судьбы женщины-террористки и священника в избранном аспекте.

Своеобразный литературоведческий триптих составил цикл докладов о творчестве А. Платонова. В докладе д-ра филол. наук **Е. Н. Проскуриной** (ИФЛ СО РАН, Новосибирск) «Экфрасисы Платонова: к проблеме тайнописи» проанализированы некоторые из экфрасисов А. Платонова, рассмотренные как устойчивая единица сюжетного повествования писателя и как одно из ключевых средств его тайнописи. Уделено внимание двум типам вербальных картин в платоновских произведениях: словесной иконе и словесной живописи. Как показал анализ текстов, ориентируясь на канонический образец, Платонов создает собственный вариант словесной иконы в таких, например, рассказах, как «Родина электричества», «Июльская гроза», а также повести «Котлован». В романе «Счастливая Москва» и повести «Джан» в словесных картинах наиболее отчетливо выступает поэтика авангарда. Прослеженные в динамике, экфрасисы названных произведений дают возможность увидеть наиболее сокровенные стороны меняющегося отношения Платонова к советской реальности. Доктор филологических наук **Н. П. Хрящева** (Екатеринбург, УрГПУ) в докладе «Библейско-федоровский мо-

тивный комплекс в пьесе А. Платонова “Голос отца”» остановилась на библейском и федоровском контекстах пьесы А. Платонова. Как показал анализ, библейский слой вступает в произведении в непростой диалог с федоровскими мотивами, которые в данном произведении звучат лишь в аллюзивных отсылках к ранее написанной прозе. Созданная в конце 1930-х гг., пьеса представляет собой не столько притяжение к философии Н. Ф. Федорова, сколько отталкивание от нее. Основу же мотивики пьесы на уровне памяти жанра составили панихидные песнопения. В пространство рецепции Платонова попадают также лирические миниатюры Д. А. Брянчанинова, представителя духовной прозы середины XIX в., что позволяет увидеть неожиданные, ранее не замечаемые смыслы пьесы. Тему платоновской драматургии продолжил доклад **К. С. Когута** (Екатеринбург, УрГПУ) «Фольклорные мотивы в пьесе А. П. Платонова “Волшебное существо”», посвященный анализу фольклорных мотивов, восходящих в пьесе А. П. Платонова к архетипу волшебной сказки. «Сказочная» основа пьесы соотносится с христианским мироощущением народного сознания (мотивы дарения, перевоплощения, волшебства). Следование фольклорной, особенно сказочной, традиции позволило Платонову по-новому изобразить в пьесе военную коллизию.

Часть докладов представляла собой анализ современной литературы в рецептивном освещении. Так, канд. филол. наук **Е. М. Бутенина** (Владивосток, ДФУ) в докладе «Метаморфозы гоголевских повестей в современной прозе США» рассказала о сатирико-фантастических переложениях нескольких петербургских повестей Гоголя, опубликованных в США: в 1972 г. вышла новелла Филипа Рота «Грудь», созданная под влиянием «Носа» и «Превращения» Кафки, в 1985 г. Т. К. Бойл включил в свой очередной сборник рассказ «Шинель-II», а в 2002 г. журнал «Нью-Йоркер» опубликовал рассказ Г. Штейнгарта «Шейлок на Неве», переносящий действие «Портрета» и «Невского проспекта» в Ленинград 1990-х. В докладе канд. филол. наук **Е. Н. Роговой** (Кемерово, КемГУ) «Традиции Д. Джойса в романе М. Шишкина “Письмовник”»: сопоставительный анализ мотивов» рассмотрены значимые для творчества М. Шишкина джойсовские аллюзии и мотивы. Современного писателя М. Шишкина называют русским Джойсом (К. Гольденцвайг). Литературная критика отмечает близость стилистической манеры авторов. М. Шишкин говорит о том, что в своих романах он хочет «рассказать о русской любви к Акакию Акакиевичу на художественном языке Джойса» (С. Оробий). В докладе был проведен сопоставительный анализ мотивов произведений Д. Джойса «Портрет художника в юности», «Улисс» и М. Шишкина «Письмовник». В перечисленных романах присутствует сюжет о становлении художника, в рамках которого развиваются темы творчества, веры, любви. Кандидат филологических наук **О. Н. Русанова** (Томск, ТГПУ) в докладе «Специфика мотивной организации пьесы В. Коркия “Гамлет.Ru”» проанализировала столь заметное явление в современной драме, как использование «чужого» сюжета и узнаваемых мотивов. Ею замечено, что оно скорее обозначается, чем исследуется в науке: отмечаются факты обращения к авторской «обработке» вечных образов, но в лучшем случае речь идет о семантике отдельных мотивов или их комплексе. И делается это, как правило, на материале творчества одних и тех же авторов (Б. Акунин, О. Богаев, Г. Горин, Н. Коляда, Л. Петрушевская и др.). Доклад посвящен механизмам функционирования известных мотивов в структуре драматического действия, их роли в драматургическом дискурсе на материале пьесы современного автора В. Коркия «Гамлет.Ru». В докладе канд. филол. наук **Ю. В. Яроцкой** (Владивосток, ДФУ) «Мотив смерти в романе Александра Белых “Сны Флобера”» анализировался лейтмотив смерти в романе современного дальневосточного писателя. Главный, постоянно напоминающий о себе зашифрованными знаками, персонаж – пес Флобер, его уже нет в мире живых – путешествует по «душам» героев произведения, «сплетая» нити их судеб, размышлений и тво-

рений в единую ткань повествования. Принадлежность Флобера к иному миру порождает особую структуру текста, определяет движение сюжета.

В ряде сообщений речь шла о специфике сюжета в мемуарной, автодокументальной прозе, а также в эпистолярной и литературной критике. В докладе **Н. А. Пермяковой** (Новосибирск, НГУ) «Реальность и вымысел в “Общей истории Виргинии” капитана Джона Смита» показано, что «Общая история Виргинии, Новой Англии и островов Соммерса» Дж. Смита (1624) является наиболее популярным, но и наиболее спорным памятником ранней американской литературы. Задуманная как правдивая хроника, «Общая история» до сих пор считается не только главным источником сведений об «отце американской литературы», но и одним из важнейших свидетельств первых лет английской колонизации Америки. При этом текст «Истории» представляет собой сплав хроники и приключенческого повествования. В докладе анализировались используемые автором приемы и способы трансформации документа в текст приключенческого характера. Кандидат филологических наук **О. А. Фарафонова** (Новосибирск, НГПУ) в докладе «Путешествие как сюжет русской мемуаристики XVIII века» проанализировала проблему изучения мемуарной литературы с точки зрения сюжетологии русской мемуаристики XVIII века. Особое внимание было уделено мемуарным текстам, авторы которых включают в повествование описание своих путешествий (не только заграничных, но и внутри страны). Путешествие рассмотрено как один из ключевых сюжетов в контексте русской мемуарной прозы XVIII века: такого рода травелоги включаются в контекст формирующегося во второй половине XVIII в. жанра мемуаров и в контекст литературы путешествий как таковой. Кандидат филологических наук **Т. Б. Фрик** (Томск, ТПУ) в докладе «Мотивный комплекс эпистолярной Н. М. Карамзина» рассмотрела эпистолярное наследие Карамзина (его переписку с членами царствующего дома, литераторами, родственниками) как особое литературное и культурное явление, своего рода акт сознательного житетворчества писателя и его адресатов. Вниманию слушателей был представлен комплекс ключевых мотивов, ставший своеобразной сюжетобразующей основой писательского эпистолярия, где центральным мотивом выступает мотив смерти. Его развитие в субмотивах страха потери близких, старения, болезни и др. становится основой для формирования карамзинской философии жизни, его поведенческого текста, что реализовалось в вере в Проведение, отказе от суетности света, а также бескорыстии и искренности. Кандидат филологических наук **С. Ю. Корниенко** (Новосибирск, НГПУ) в докладе «Сюжет литературного наставничества в “Живое о живом” Марины Цветаевой» сосредоточила свое внимание на фикциональном эпизоде знакомства старшего и младшего поэтов, юной Марины Цветаевой и Максимилиана Волошина. Представленный в мемуарном очерке «Живое о живом» приход «матерого и бывалого» Волошина к юному поэту с демонстративным поклонением старшего младшей, дарением стихов и пр. несколько расходится с биографической реальностью, в которой встреча двух поэтов состоялась при более обыденных обстоятельствах. Цветаева, последовательно утверждавшая правдивость своих мемуаров, принципиальную не-анекдотичность non-fiction текстов, намеренно трансформируя текстовую реальность по отношению к затекстовой фабуле, нагружает эпизод знакомства метапоэтическими аллюзиями. Прежде всего они связаны с пушкинским самоопределением Марины Цветаевой, сюжетной инерцией, диктующей для самоопределившегося в качестве «второго Пушкина» поэта пушкинский же способ вхождения в литературу. В таком случае поэт – покровитель юного гения начинает приобретать черты старшего друга, В. А. Жуковского. Материалом доклада послужил мемуарный очерк Марины Цветаевой «Живое о живом», ее переписка, а также письма, заметки, статьи А. С. Пушкина и В. А. Жуковского. Доклад канд. филол. наук **Н. Ю. Бартош** (Новосибирск, НГУ) «Тангейзеровский сюжет как

жизнетворческая модель в биографиях писателей и художников модерна» был посвящен феномену мифологизации житетворчества в сознании писателей и художников модерна. Герой статьи – английский писатель-эстет Оскар Уайльд творит своей жизненный текст, сознательно или бессознательно выстраивая отдельные его компоненты через сюжет музыкальной драмы Вагнера «Тангейзер». Писатель, как и Тангейзер-поэт, погруженный в сладкий сон в пещере Вены, должен отказаться от наслаждений чувственного мира Великой богини (Вены) – социального успеха, и пройти инициацию – страдания и боль, дабы познать истинное творчество. При этом личностная мифотема Уайльда реализуется через доминантную мифотему эпохи – священный брак поэта-творца с Искусством (Великой богиней). Опираясь на художественные тексты, письма и статьи Уайльда, автор доклада показывает механизмы превращения «бытия» в художественный текст, в трагически разыгрываемый тангейзеровский сюжет, нашедший отражение и у таких творцов, как А. Суинберн, О. Бердслей и др.

Выступление канд. филол. наук **Е. В. Борщ** (Екатеринбург) «Сюжет “Новой Элоизы” Ж.-Ж. Руссо в прочтении французских иллюстраторов XVIII века: сравнительный аспект» принадлежит области межкультурной коммуникации, расширяя возможности сюжетографии за пределы литературы в сферу живописи и графики. Докладчик сосредоточилась на иконографии литературного сюжета, взаимодействии текста и изображения, интерпретации сюжета «Новой Элоизы» Руссо средствами книжной графики. Были рассмотрены варианты визуального прочтения текста: проект самого автора и серии французских иллюстраций XVIII в. (Ю. Гравело, К.-П. Марилье, Ж.-М. Моро-мл., Н.-А. Монсьо). Проект Руссо и серии иллюстраций проанализированы с точки зрения сюжетных акцентов. Отмечены варианты визуального прочтения сюжета путем составления иконографии разных серий иллюстраций, а также соотнесены друг с другом проект иллюстрации Руссо и отдельные серии иллюстраций, установлены тождественность и различия подходов к визуализации сюжета.

Завершилась конференция подведением итогов и выражением надежды на то, что традиция ежегодных встреч в ИФЛ СО РАН будет продолжена. Это даст возможность дальнейшей реализации богатейших исследовательских возможностей заявленной темы.